

Лишняя страница, или Смерть в тираже

Уютный
детектив

Милана Панова
Лишняя страница
или Смерть в тираже
Серия «Детективные истории
Нины Платоновой», книга 3

*<https://litres.ru/74671082>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Июнь в Тихоречье: городу исполняется триста лет, на площади красят скамейки, а на баннерах вроде «Вперёд, в прошлое!» корректор Нина Платонова находит ошибки быстрее, чем их успевают вешать. Пока Люба печёт пирог для праздничного конкурса, рыжий кот Эклер охраняет подоконник, а капитан Громов ждёт приезда дочери, хозяйка старинной типографии просит Нину прочитать её завещание. В нём есть опечатка размером с целое состояние.

На следующий день Эмма Ронина падает с железной лестницы. В кулаке у неё три свинцовые литеры: 1, 4 и 3. Несчастный случай? Нина знает: так не падают те, кто полвека ходил по этим ступеням с закрытыми глазами. До праздника два дня, подозреваемых больше, чем страниц в юбилейной книге, а главная улика спрятана там, где её заметит только корректор.

Книга самостоятельная, читать её можно отдельно от первых двух частей: всё нужное объясняется по ходу. Уютный детектив с юмором, пирогами и лёгкой любовной линией.

Содержание

Глава 1. Триста лет без запятой	5
Глава 2. Завещание с опечаткой	13
Глава 3. Железная лестница	22
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Милана Панова

Лишняя страница или Смерть в тираже

Глава 1. Триста лет без запятой

В июне Тихоречье готовится к собственному юбилею, и жить в нём становится опасно для людей моей профессии.

Городу исполнялось триста лет. Администрация объявила месяц торжеств, на площади перекрасили скамейки, возле мэрии сколотили сцену из свежих досок, а вдоль главной улицы развесили баннеры. Я насчитала их двадцать три. Ошибки нашлись на семнадцать.

«ТИХОРЕЧЬЕ — 300 ЛЕТ! МЫ ГОРДИМСЯ НАШЕЙ ТРЁХСОТЛЕТНЕЙ ИСТОРИЕЙ И ВПЕРЁД, В ПРОШЛОЕ!» — гласил самый большой, над входом в универмаг. Я простояла перед ним минут пять, пока ко мне не подошёл постовой и не спросил, не вызвать ли скорую.

— Мне нужен красный карандаш, — сказала я.

— Боюсь, вам уже ничто не поможет, — вздохнул он с неподдельным сочувствием.

Меня зовут Нина Платонова, мне сорок два года, и я корректор. Прошлой осенью московское издательство заменило

меня нейросетью, а муж ушёл к женщине, которая не ставит запятых даже в смс. Я вернулась в родное Тихоречье с одним чемоданом, поселилась над кондитерской своей лучшей подруги и за девять месяцев помогла капитану полиции Андрею Громову поймать двоих убийц. Город решил, что это у меня теперь профессия. Я считала, что просто внимательно читаю.

Вывеска над кондитерской «Мятный лист», где я проводила дни, гласила: «Выпечка, чай и грамотные вывески». Последнее было моей идеей, и клиентов у меня набралось больше, чем я могла вычитать. Парикмахерская, две пекарни, аптека, ветеринарная клиника, музыкальная школа, редакция «Тихоречского вестника» и, с позавчерашнего дня, администрация города, которая прислала мне на проверку программу праздника. Программа занимала четыре листа, и на первом уже стояло «торжественное мероприятие, посвящённое юбилею, которое состоится 14 июня в 12:00 и закончится салютом в 22:00 вечера».

— Вечера? — спросила я у программы. — А бывает салют в 22:00 утра?

— Нинка, не бубни, у меня тесто, — отозвалась Люба.

Любовь Сергеевна Мельникова, хозяйка «Мятного листа», пребывала в состоянии, которое Тамара Ильинична называла «предсалютным». Сорок лет она пекла пироги, и вот наконец городу исполнялось триста, и на празднике впервые устраивали конкурс «Пирог Тихоречья». Люба участвовала.

Люба не спала четвёртую ночь. На кухне пахло корицей, ванилью, яблоками и паникой.

— Я придумала слоёный, — сказала она, не оборачиваясь. — С тремя начинками, чтобы каждая как век. Яблоко, вишня и творог.

— Три начинки — это триста лет?

— Триста лет — это слишком долго для одного пирога, поэтому три века. Нина, не придирайся.

— Я не придираюсь. Я уточняю.

— Это одно и то же.

В зале за угловым столиком с видом полковника сидела Тамара Ильинична, бывший учитель литературы. Ей предстояло выступить на празднике с «Кратким словом о трёх веках Тихоречья», и последние три дня она жила на двух листах бумаги, вязальном крючке и мятном чае.

— Нина, — сказала она, поднимая очки на лоб. — «Тихоречье возникло из ничего». Как вам?

— Из ничего ничего не возникает. Это первый закон.

— А если «из небытия»?

— Тогда город был бы призраком.

— Он и есть призрак, — вздохнула она. — Мёртвая жизнь после выставки достижений. Ладно. «Тихоречье возникло на берегу реки». Скучно, но без претензий.

Рыжий кот Эклер, лежавший на буфете и числившийся в штате «Мятного листа» на полставки, приоткрыл один янтарный глаз, оценил обстановку и вернулся ко сну. На его

морде читалось: триста лет это не повод бегать.

Колокольчик над дверью звякнул.

Вошла женщина, которая сразу уменьшила в зале всё, кроме самой себя. Маленькая, прямая, как карандаш, в красном берете, надвинутом на седые волосы, и в тёмном кардигане с блестящими пуговицами. В руке у неё была тонкая чёрная палка, которой она не пользовалась, а только указывала. Глаза чёрные, быстрые, как у птицы. Пахло от неё типографской краской и мятными пастилками.

— Эмма Всеволодовна! — выдохнула Люба, роняя скалку. — Это вы!

— Это я, Любочка. Чай. Самый крепкий, какой у вас найдётся. И ложку смородинового варенья, как раньше.

Я знала, кто это. Весь город знал. Эмма Всеволодовна Ронина, владелица и последняя хозяйка старейшей в области типографии «Печатный двор», основанной ещё её дедом в тысяча девятьсот одиннадцатом году. В прошлом месяце именно она заказала мне вычитку юбилейной книги «Тихоречье. Три века»: двести восемьдесят восемь страниц, сто двенадцать фотографий, шесть утомительных глав о купцах, пожарных и великом наводнении тысяча девятьсот двадцать шестого года.

Она села напротив меня, не спросив разрешения.

— Нина Сергеевна Платонова. Вы нашли в моей книге шестьсот одиннадцать ошибок.

— Шестьсот двенадцать, — сказала я. — Одну я нашла

уже в корректуре вашего предисловия.

— В моём?

— В вашем.

Эмма Всеволодовна секунду смотрела на меня без выражения. Потом откинула голову и расхохоталась низким, хриплым, совершенно мальчишеским смехом, так что Эклер на буфете вздрогнул.

— Голубушка, — сказала она наконец, вытирая глаза. — Пятьдесят лет в печати, а ко мне ни разу не придирались. Что было не так?

— «Типография не терпит спешки, ибо спешка рождает опечатки, а опечатки рождают неудобства». Вы поставили запятую перед «ибо», а перед «а» поставили не там.

— Покажите.

Я показала на салфетке. Эмма Всеволодовна изучила, кивнула и спрятала салфетку в карман.

— Принято. Теперь о деле.

Люба принесла чай, поставила чашку, посмотрела на меня глазами, в которых читалось: «Не упусти!», и ретировалась.

— Нина Сергеевна, — сказала Эмма Всеволодовна, помещивая варенье в чашке. — Мне говорили, что вы читаете тексты не только как слова, но и как людей. Это правда?

— Мне льстят.

— Не льстят. Я проверяла. Я спрашивала у людей, которые вас знают. Один сказал: «Она слышит ложь, как музыкант фальшь». Другой: «Она находит нестыковку, как кошка

находит мышь». Третий, не буду называть, высказался прозой: «С ней страшно разговаривать, потому что она всё запоминает дословно».

— Третий был капитан Громов.

— Не скажу.

Она улыбнулась. Но глаза не улыбались, и я это заметила, потому что привыкла замечать то, что стоит за текстом.

— У меня есть бумага, — продолжила она. — Не книга. Книгу вы вычитали, вы молодец, мне за неё не стыдно. Бумага совсем другая. Я хочу, чтобы вы прочли её завтра. Придите в «Печатный двор» к десяти утра. Я заплачу вдвое.

— Какая бумага?

— Документ.

— Договор?

— Хуже, — сказала Эмма Всеволодовна. — Завещание.

Мятный чай, который я успела отхлебнуть, встал поперёк горла.

— Эмма Всеволодовна, вы...

— Я не умираю, — резко перебила она. — Что это вы смотрите на меня, как на хор на похоронах? Мне семьдесят четыре года, я могу, если захочу, дожить до ста двадцати. Я просто аккуратная. Всю жизнь проверяла оттиски до того, как печатала тираж. Вы понимаете?

— Понимаю.

— Вот и хорошо. — Она допила чай, поставила чашку ровно на блюде и положила на стол красный кошелёк. —

Нина Сергеевна, скажу вам вещь, которую знают только корректоры и старые печатники. Если в тексте есть ошибка, голубушка, значит, кто-то ей рад.

Она встала, взяла палку и пошла к двери. У порога остановилась и посмотрела на буфет.

— Это у вас что за существо?

— Кот Эклер. Он числится в штате.

— Очень похож на метранпажа на пенсии, — сказала Эмма Всеволодовна. — Метранпаж — это человек, который сверстывает полосы. Очень важный и очень ленивый. Приведите его завтра, мои машины его полюбят.

Колокольчик звякнул ей вслед.

Люба, высунувшись из кухни, в голос прошептала:

— Нин, она с тобой разговаривала.

— Люба, я знаю.

— Нет, ты не понимаешь. Эмма Ронина ни с кем не разговаривает. Она двадцать лет здороваётся с мэром кивком. У неё тираж «Тихоречских ведомостей» читает вся область, а к ней не подойти. А тут она сама!

— Она просит прочесть завешание.

— Вот именно! Нин, к ней идёт всё. Это же... — Люба задохнулась. — Ты должна быть ей благодарна.

— Я благодарна, — сказала я. — Просто мне это не нравится.

— Почему?

Я посмотрела в окно. По мостовой проехал грузовик с

очередным баннером. На нём было написано: «ТИХОРЕЧЬЕ — ГОРОД КОТОРЫЙ ЛЮБИТ ЖИТЬ».

— Потому что, — сказала я, — когда люди с трёхсотлетним тиражом говорят, что они «просто аккуратные», это значит, что они боятся.

Телефон зазвонил в кармане. Громов.

«Катя приезжает в четверг. Ты готова?»

Я прочитала сообщение три раза. Потом положила телефон экраном вниз и принялась пить остывший чай, как человек, у которого внезапно кончились все запятые.

Глава 2. Завещание с опечаткой

«Печатный двор» стоял на набережной Тихой, в двух кварталах от моста: трёхэтажный краснокирпичный дом с белыми наличниками и башенкой, на которой много лет назад остановились часы, показывая без десяти шесть. Над входом висела чугунная вывеска с вензелем «Р» и датой «1911».

Дверь открыла девушка с розовыми волосами.

— Вы Нина Сергеевна? Эмма Всеволодовна ждёт. Я Полина, верстальщица.

Ей было лет двадцать семь, не больше. Худая, быстрая, в мужской клетчатой рубашке с закатанными рукавами и с карандашом, воткнутым в волосы. На левой руке татуировка: маленькая серая буква «ё» между двух запятых. Я решила, что мы подружмся.

— Это вы себе набили? — спросила я.

— Это моя мама мне набила, — сказала Полина. — Она была вычитчицей. Умерла в прошлом году. Мне хотелось, чтобы всегда была с собой хотя бы одна правильная буква.

— Я вам завидую. Мне двадцать лет мечтала сделать себе то же, но с красным карандашом.

— Сделайте. Я вас познакомлю с мастером.

Мы поднялись по широкой деревянной лестнице. В коридоре пахло горячим металлом, бумагой и краской, и мне вдруг стало так хорошо, как бывает, когда возвращаешься в

старый кабинет, где тебя любили. Нигде на свете, наверное, нет запаха лучше, чем в типографии.

Типография состояла из трёх этажей. На первом, в высоком сводчатом зале с окнами на реку, стояли машины. Тяжёлые чёрные чудовища с рычагами и маховиками, на каждой табличка: «Бостон. 1928». «Минерва. 1934». «Вильгельм. 1911». Между ними хлопотал старик в синем рабочем халате: коренастый, широкоплечий, с серой бородой и огромными руками, которые двигались неторопливо, как у человека, привыкшего ходить с железом.

— Это Гаврила Семёнович, наш старший печатник, — сказала Полина. — Он здесь с четырнадцати лет.

— Здравствуйте, — сказала я.

Старик кивнул и ничего не ответил. Он смотрел на меня поверх очков пристально, без злобы, как смотрят на нового человека, которого ещё предстоит понять. Потом отвернулся и снова склонился над станком.

— Он молчит, — шепнула Полина. — Но это просто привычка. Не обижайтесь.

— Я не обижаюсь. У меня муж говорил, но лучше бы молчал.

На втором этаже находился наборный цех. Длинный зал с высокими окнами, весь уставленный широкими наклонными шкафами, в которых лежали кассы. В каждой кассе в маленьких ячейках, как конфеты в коробке, лежали свинцовые литеры. Я никогда не видела столько букв одновремен-

но. Они блестели тусклым серебром, и мне захотелось потрогать.

— Это литеры? — спросила я.

— Это литеры, — тихо сказала Эмма Всеволодовна, появляясь у меня за спиной. — Касса, голубушка. Не «ячейки», не «коробки». И не «буквы». Буква — это то, что на бумаге. А это сама свинцовая душа, которая потом превращается в букву. Здравствуйте, Нина Сергеевна. Не опоздали.

Она была в том же красном берете. В руках держала толстую папку.

— Пойдёмте ко мне.

Её кабинет находился в конце коридора, за застеклённой дверью. Небольшой, светлый, весь в книгах. На столе стояла чёрная пишущая машинка «Оптимa» с вставленным листом, лампа с зелёным абажуром, стопка корректурных оттисков и перекидной календарь, на листах которого мелким твёрдым почерком были записаны дела. У окна в клетке сидел старый волнистый попугай и косился на меня.

— Это Корнилий, — сказала Эмма Всеволодовна. — Он ничего не говорит, потому что я запретила. Садитесь. Читайте.

Она положила передо мной папку.

На обложке значилось: «Завещание Рониной Э. В. Копия. Удостоверено нотариусом Баринов Э. Л.» Дата: двадцать седьмое мая.

Я открыла.

Читать завещания — особая работа. Нужно не столько понимать юридический смысл, сколько слышать ритм. Юристы пишут одним языком, и его ни с чем не спутаешь: длинные периоды, повторы, слова «настоящим», «вышеуказанный», «в соответствии с». Любая вставка человека, который пишет по-другому, торчит, как камешек в булке.

Я прочитала первый лист. Второй. Третий. Всё было гладко.

На четвёртом я остановилась.

«...пункт 7. Для обеспечения сохранности имущества и его рационального использования управление зданием и оборудованием типографии «Печатный двор» на срок десять лет передаю обществу с ограниченной ответственностью «Наследие-Сервис». Указанное общество вправе распоряжаться недвижимостью по своему усмотрению, включая её отчуждение при наличии выгодного предложения. Наследник не вправе оспаривать решения управляющей организации».

Я перечитала дважды. Потом достала из кармана красный карандаш и, не касаясь бумаги, провела им по строке.

— Эмма Всеволодовна, — сказала я. — Вы это писали?

— Нет.

— И не диктовали?

— Нет.

— Тогда этот пункт лишний.

Она сидела у окна, сложив руки на палке, и смотрела на

меня. На лице её было выражение, какое я видела только у одного человека, моего первого начальника: «Ну-ну, посмотрим, поймёшь ли ты сама».

— Объясните.

— Хорошо. — Я положила листы на стол. — Во-первых, стиль. Всё остальное завещание написано одним человеком. Видите? «Настоящим завещанием я назначаю...», «в случае, если наследник...». Тут сухо, с оборотами. А пункт седьмой написан другим голосом. «Для обеспечения сохранности имущества и его рационального использования» — это язык не нотариуса, а человека, который хочет, чтобы его не поняли. «При наличии выгодного предложения» — вообще не юридическая формулировка. Это формулировка риелтора.

— Дальше.

— Во-вторых, пробелы. — Я придвинула лист. — Смотрите. После точки в пункте седьмом стоят два пробела. «...использования управление...» и «...предложения. Наследник...». В остальном тексте после точки один. Это значит, что пункт набирал другой человек, на другом компьютере. Человек, который учился печатать на машинке. Старой школы, которая считала, что после точки нужно два пробела, чтобы глаз отдыхал. Я встречала таких. Они двадцать лет пишут одинаково и не замечают.

— Дальше.

— В-третьих, шрифт. В пункте седьмом он на полпункта

крупнее. Едва заметно. Кегль двенадцать вместо одиннадцати с половиной. Это значит, что страницу печатали второй раз. Заменяли один абзац и распечатали заново, а остальное оставили.

— Дальше.

— И в-четвёртых, главное. — Я подняла глаза. — Это не вы. Вы бы никогда не отдали типографию «обществу с ограниченной ответственностью» на десять лет с правом продажи. Ваше завещание, судя по остальному, оставляет здание наследнику. Здесь есть уточнение: «обеспечить сохранение производственной деятельности». А седьмой пункт противоречит этому уточнению: в нём типографию можно продать хоть завтра. Это не опечатка. Это подмена.

Эмма Всеволодовна медленно встала. Подошла к клетке, открыла дверцу, взяла на палец попугая. Корнилий склонил голову, но промолчал.

— Нина Сергеевна, — сказала она, не оборачиваясь. — Я думала, что вы молодец. Но вы даже лучше.

— Вы знали.

— Знала. Но мне было нужно, чтобы кто-то посторонний подтвердил, что я не выжила из ума. Я старая женщина, голу-бушка. Мне семьдесят четыре года, я хорошо вижу, но иногда мне кажется, что я вижу не то. Теперь знаю: вижу то.

— Кто это сделал?

— Об этом потом.

— Эмма Всеволодовна, нужно к капитану Громову. Нуж-

но...

— Нет. — Она обернулась. — Нет, голубушка. Не нужно. Выслушайте меня. Нотариус в нашем городе один. Он двадцать пять лет у всех на виду. Вся область у него завещания составляет. Если я приду в полицию и скажу: «Мой документ поддельный», меня спросят: «А вы кого обвиняете?» Я назову, и мне ответят: «Эмма Всеволодовна, вы переутомились». И всё. Бумага с печатью важнее старухи с гордым видом.

— Но вы же...

— Подпись под завещанием моя, голубушка. Он прочёл мне вслух одно, а в папку положил другое. Я подписала последнюю страницу, как положено, и только дома, при свете лампы, увидела, что меня подменили. Теперь вы понимаете, почему никто мне не поверит?

— Что вы собираетесь делать?

— Пойду в печать, — сказала она и усмехнулась по-птичьи. — В субботу весь город соберётся на площади. Все, до последнего. Мэр, депутаты, пожарные, школьники, старики. Я отпечатала поправку. Её прочтут вслух так, чтобы никто не мог сказать, что не слышал. Её нельзя будет оспорить: типографский оттиск, подписанный свидетелями.

— Эмма Всеволодовна...

— И не спорьте. Я пятьдесят лет в печати. Мне виднее.

Она села, положила обе руки на палку и посмотрела на меня так, что я поняла: разговор окончен.

— Только одну просьбу. Никому. До субботы. Даже капи-

тану.

— Капитану я рассказываю всё.

— Тогда скажите ему после праздника.

— Эмма Всеволодовна, я не люблю тайн.

— Голубушка, — сказала она тихо, — я тоже. Но у каждого текста есть свой день выхода. Поверьте мне.

Не знаю, почему я кивнула. Может быть, потому что пятнадцать лет слушалась авторов, а может, потому что от этой маленькой женщины в красном берете исходила такая уверенность, что спорить было так же глупо, как спорить с гранитом.

Вечером в среду я снова увидела Эмму Всеволодовну. Она пришла в «Мятный лист» ровно в пять, в том же берете, с тем же выражением лица. Но на этот раз в руках у неё была тяжёлая книга в тёмно-зелёном кожаном переплёте.

— Это вам, — сказала она, кладя книгу на столик. — Экземпляр номер семь. Из тридцати подарочных. Тридцать — для самых почётных гостей. Вам хватит и седьмого.

— Это та самая книга?

— Та самая. Только в коже, с золотым тиснением и моим автографом.

Я открыла. На форзаце ровным, твёрдым почерком было написано: «Нине Сергеевне Платоновой, которая слышит ложь, как музыкант фальшь. Э. Ронина». И дата.

— Не открывайте раньше субботы, — сказала Эмма Всеволодовна. — Там сюрприз. Хотя вы, конечно, не удержи-

тесь.

— Я постараюсь.

— Не надо стараться. Вы лучше завтра приходите в девять. Принесите карандаш. Я хочу показать вам последний лист оттиска. Там будет то, что вы одна способны проверить.

— Хорошо.

— И Эклера возьмите.

— Он обидится, если его не позвать.

— Все метранпажи обидчивы, — сказала она, поднимаясь. — До завтра, голубушка.

Я проводила её до двери. Она шла прямо, постукивая палкой по мостовой, маленькая, чёрно-красная, как закладка в тёмной книге.

Я смотрела ей вслед, пока она не свернула за угол к набережной.

Больше я её живой не видела.

Глава 3. Железная лестница

В четверг утром, в девять, я пришла в «Печатный двор» с красным карандашом, термосом чая и рыжим котом в плетёной корзине. Эклер сидел в ней с видом человека, которого везут на неудачный приём.

У ворот типографии стояла скорая.

Я заметила её только потому, что она стояла не так, как надо: сдала задом, перегородила проезд, и из открытой двери торчала сумка с красным крестом. Я остановилась. Корзина в моей руке качнулась. Эклер издал странный низкий звук, не мяуканье, а скорее вопрос.

Дверь типографии была распахнута. В коридоре, на лестнице, на ступенях стояли какие-то люди, но все они молчали. В воздухе что-то изменилось, и сначала я не поняла что. Потом поняла: в типографии не работали машины. Впервые за сто пятнадцать лет в утро четверга не работали машины.

— Нина Сергеевна, — выдохнул кто-то.

Полина стояла у стены, зажав рот ладонью. Лицо у неё было белое, а розовые волосы казались нелепым пятном на фоне серых кирпичей. В глазах застыл тот особенный ужас, который бывает у людей, видевших то, чего видеть не хотели.

— Что случилось?

— Эмма Всеволодовна... — Она не договорила.

Я поставила корзину на пол и пошла вперёд.

Печатный цех встретил меня тишиной. Огромные чёрные станки стояли, как дремлющие слоны, в окнах за ними сияла река. У подножия железной винтовой лестницы, которая вела в наборный цех на второй этаж, на сером бетонном полу лежала Эмма Всеволодовна Ронина.

Она лежала на боку, чуть подогнув ноги, как человек, который прилёг отдохнуть. Красный берет скатился на пол в нескольких шагах. Седые волосы растрепались. Тёмный кардиган, на котором ещё вчера блестели пуговицы, был сбит, а одна пуговица, я это заметила сразу, висела на нитке. Вокруг неё, как рассыпанный бисер, блестели свинцовые литеры: сотни маленьких серых буковок, высыпавшихся из опрокинутой кассы.

Над ней склонился мужчина в тёмной куртке. Я узнала его раньше, чем он обернулся.

— Нина, — сказал Громов тихо. — Не подходи.

— Андрей...

— Пожалуйста.

Он встал, подошёл ко мне и взял за локоть. Я не сопротивлялась, но ноги подгибались.

— Ей семьдесят четыре, — сказал он вполголоса. — Лестница железная, крутая. Врач говорит, что смерть наступила между девятью и одиннадцатью вчера вечером. Перелом шеи. Полина нашла её в семь сорок утра, когда пришла открывать. Вызвала скорую. Врач сказал: несчастный случай.

— Несчастный случай, — повторила я.

— Вероятно, поскользнулась на рассыпанном шрифте.
Видишь, кассы лежат на полу.

— Она не поскользнулась.

Он молчал.

— Андрей. Эмма Всеволодовна ходила по этой лестнице пятьдесят лет. С закрытыми глазами. С чашкой кофе в руке. С палкой. Она не из тех, кто оступается.

— Люди оступаются, Нина.

— Не те, кто знает каждую ступеньку. И не вечером накануне праздника.

Я посмотрела на кардиган. На оторванную пуговицу. На левый рукав: сукно было слегка вытянуто на запястье, как если бы кто-то схватил её за руку. Потом я посмотрела на правую руку Эммы.

Кулак был сжат.

— Что у неё в руке?

Громов помолчал.

— Мы ещё не вынимали. Эксперт сейчас приедет. Но я видел.

— Что?

Он нагнулся, осторожно, в перчатке, чуть разжал холодные пальцы и показал мне.

В ладони лежали три свинцовые литеры. Маленькие, тёмные, размером с ноготь. Я взглянула на них и всё внутри меня сжалось.

Это были цифры. Единица, четвёрка и тройка. Лежали

они в ряд, одна за другой: один, четыре, три.

— Сто сорок три, — сказала я.

— Видимо, да. — Громов выпрямился. — Но это ничего не значит. Она могла схватить первое, что подвернулось. Рассыпалось много. Падающий человек хватается за всё подряд.

— Падающий человек хватается за поручень, — тихо сказала я. — А не за три цифры, расставленные по порядку.

— Нина.

— Андрей, мне нужно с тобой поговорить. Не здесь.

— Я слушаю.

— Не здесь.

Мы вышли на улицу, на набережную. Ветер с реки был тёплый, пахло водорослями и мокрой травой. По воде медленно плыла лодка с удочкой. Я поставила корзину с Эклером на скамейку, села рядом и закрыла лицо ладонями.

— Я должна была тебе рассказать, — сказала я.

— Что?

— Вчера. Позавчера. Нет, ещё раньше. Во вторник. Эмма Всеволодовна показала мне завешание.

Он не сказал ни слова. Только очень медленно сел на скамейку и повернулся ко мне. Лицо у него было такое, каким бывает лицо у человека, которому только что наступили на самое больное место, но который решил не кричать.

— Рассказывай.

Я рассказала всё. Про пункт седьмой, про два пробела

после точки, про «Наследие-Сервис», про «подпись моя, но читал он мне другое», про просьбу молчать до субботы и про поправку, которую она собиралась огласить на площади. Андрей слушал, не перебивая. Когда я закончила, он долго смотрел на реку.

— Нина, — сказал он. — Я не буду кричать.

— Кричи.

— Не хочу. Но ты понимаешь, что я мог бы прийти вчера в семь? Что я мог бы просто зайти к ней? Что я...

— Понимаю.

— Ты поступила так, как поступила бы любая. Она попросила тебя. Ты поверила. — Он потёр переносицу. — Но больше так не делай. Пожалуйста. Если человек просит тебя молчать, значит, ему страшно. А когда человеку страшно, он находится в опасности.

— Теперь я знаю.

Он ничего не ответил. Только протянул руку и сжал мою ладонь.

Эклер в корзине тихо мяукнул, словно напоминая, что он тоже здесь и тоже считает себя виноватым.

К десяти у типографии собрались все.

Первым приехал Богдан Ронин, племянник Эммы Всеволодовны, директор по развитию «Печатного двора». Ему было сорок шесть, он носил дорогую голубую рубашку с расстёгнутым воротом, часы размером с блюдце и имел лицо человека, который привык, чтобы ему всё приносили на под-

носе.

— Это ужасно, — сказал он, выходя из чёрного внедорожника. — Тётя могла бы предупредить. Я ведь говорил ей: лестница опасна. Я говорил: давайте поставим лифт. Но она упёрлась.

Следом из машины вышла его жена Кира, высокая, светловолосая, в белом платье и огромных очках, которые она тут же сдвинула на лоб, поднимая телефон.

— Ребята, у нас тут трагедия, — сказала она в камеру тихим, поставленным голосом. — Я пока не могу ничего комментировать, но чувствую огромную потерю. Берегите близких. Лайк, если вы со мной.

— Кира, — процедил Богдан.

— Я только на секунду.

Подъехала серебристая «Вольво» с номером, на котором жирно значилось «Н 001 ОТ». Из неё вышел высокий седой мужчина в безупречном тёмно-сером костюме с галстуком цвета бордо. Манжеты украшали маленькие серебряные запонки. Он двигался так аккуратно, как будто боялся потревожить собственную тень.

— Богдан Станиславович, — сказал он, пожимая племяннику руку обеими руками. — Мои искренние соболезнования. Бедная Эмма. Я потрясён.

— Эдуард Львович, спасибо, что приехали.

— Какой был человек. Какая энергия. А ведь я предупреждал: лестница.

Он оглянулся на нас, и взгляд его, мягкий, сочувственный, скользнул по моему лицу и остановился.

— Нина Сергеевна, если не ошибаюсь? Корректор. Эмма очень вас ценила.

— Вы знакомы с Эммой Всеволодовной?

— Больше двадцати лет. Я её нотариус. И друг, если позволите. — Он достал из кармана плоскую жестяную коробочку, открыл и протянул мне. — Лимонную дольку? Нервы успокаивает.

Я посмотрела на золотистые леденцы в блестящей фольге. Потом на его руки. Ухоженные, с идеально подпиленными ногтями.

— Спасибо. Не надо.

— Как знаете, — мягко сказал он и убрал коробочку в карман. — Мы должны были увидеться вчера в семь вечера. Обсудить кое-какие мелочи. Но Эмма позвонила и отменила встречу, сослалась на усталость. Теперь жалею, что не настоял.

— В семь вечера? — переспросил Громов.

— Да. Мы часто виделись по средам. Она готовила для меня бумаги.

— Какие бумаги?

— Простите, но это профессиональная тайна. — Баринов виновато улыбнулся. — Хотя какая уж теперь тайна. Просто текущие дела. Эмма всегда была аккуратным клиентом.

Он вздохнул, спрятал руки за спину и отошёл к Богдану.

Я стояла и смотрела ему в спину.

— Нина, — тихо сказал Громов.

— Он сказал, что она позвонила и отменила.

— И?

— Эмма Всеволодовна позвонила мне в среду без десяти девять вечера. Я тебе не рассказывала. Она сказала: «Не забудьте завтра карандаш, голубушка. Ко мне сейчас придут, не могу разговаривать». Придут, Андрей. Без десяти девять. Она не говорила «отменила встречу». Она говорила: «Ко мне сейчас придут».

— Ты уверена?

— Дословно.

— Значит, либо она передумала и впустила его позже, либо он лжёт.

— Либо и то и другое.

Громов повернулся к нотариусу, который что-то негромко говорил Богдану и мягко кивал.

— Мы поговорим с ним, — сказал Андрей. — Но не сейчас. Сейчас нужна не догадка. Нужен факт.

— Три цифры.

— Три цифры, — согласился он. — Надо понять, что они значат.

Возле калитки остановилась ещё одна машина, огромный чёрный джип с тонированными стёклами. Из него выбрался грузный мужчина лет шестидесяти пяти в бежевом костюме, с красным лицом и тяжёлой золотой цепью на шее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.